

Научная статья
УДК 378
doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-44-50

Андрей Иванович Каплунов
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Виталий Витальевич Балахонский
доктор философских наук, профессор
<http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

О соотношении законности и правомерности как правовых категорий: проблема теоретической и методологической дифференциации

Аннотация: В обыденных формах юридического сознания или популяризаторских интерпретациях права в области правоприменительной деятельности часто присутствует тенденция к отождествлению категорий «законность» и «правомерность». Подобная практика может продуцироваться как вненаучными формами детерминации, состоящими в стремлении к формированию в правовой культуре населения образа единства закона и права, так и тривиальной подменой понятий, создающей серьёзную методологическую проблему научного осмысления самого феномена права. В связи с этим авторами работы определена цель исследования – анализ указанных категорий. В статье излагается авторская позиция в понимании принципиально важного для методологии юридической науки соотношения категорий «законность» и «правомерность», а также теоретически анализируются практические формы репрезентации данного соотношения на примере применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных учёных.

Методология. В процессе работы с материалом использовались системный метод, а также методы сравнительно-правового, историко-правового анализа и формальной логики.

Результаты. В статье выясняется, что определение соотношения понятий «законность» и «правомерность» целесообразно проводить на методологической основе дифференциации понятий «право» и «закон», позволяющей рассматривать правомерность как более широкое по своему объёму понятие, включающее элементы ситуационного усмотрения. Обоснованием такого вывода является то, что понятие «правомерность» означает соответствие определённых социальных феноменов праву, под которым могут пониматься не только нормы законодательства, но и система естественных прав социальных субъектов, детерминированная социокультурными и нравственными нормами жизни социума.

Ключевые слова: право, закон, законность, правомерность, законосообразность, принцип законности, правовое принуждение, методология юридического познания

Для цитирования: Каплунов А. И., Балахонский В. В. О соотношении законности и правомерности как правовых категорий: проблема теоретической и методологической дифференциации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2 (98). – С. 44–50; doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-44-50.

Andrey I. Kaplunov
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Vitaly V. Balakhonsky
Dr. Sci. (Phil.), Professor
<http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

On the correlation of legality and enforceability as legal categories: the problem of theoretical and methodological differentiation

Abstract: In everyday forms of legal consciousness or popularised interpretations of law in the field of law enforcement there is often a tendency to identify the categories of «legality» and «enforceability». This practice can be produced both by extra-scientific forms of determination, consisting in the effort to form in the legal culture of the population the image of the unity of law and right and trivial substitution of concepts that creates a serious methodological problem of scientific understanding of the phenomenon of law itself. The authors therefore set the objective of this research - to analyse the mentioned categories. The article outlines the author's position in understanding the correlation between the categories of «legality» and «enforceability», which is fundamentally important for the methodology of legal science, and theoretically analyses the practical forms of representation of this correlation on the example of firearms use by police officers.

The theoretical basis of the research are the studies of national and foreign academics.

Methodology. In the process of working with the material the systematic method, as well as methods of comparative legal, historical and legal analysis and formal logic were used.

Results. The authors find out that the definition of the correlation between the concepts of «legality» and «enforceability» is reasonable to conduct on the methodological basis of differentiation of the concepts of «right» and «law», which makes it possible to consider enforceability as a broader concept that includes elements of situational discretion. The justification for this conclusion is that the concept «enforceability» means the compliance of certain social phenomena to law, which can be understood not only as the norms of law, but also the system of natural rights of social subjects, determined by socio-cultural and moral norms of social life.

Keywords: right, law, legality, legal, enforceability, principle of legality, legal enforcement, methodology of legal cognition

For citation: Kaplunov A. I., Balakhonsky V. V. On the correlation of legality and enforceability as legal categories: the problem of theoretical and methodological differentiation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2 (98). – P. 44–50; doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-44-50.

Теоретико-методологической основой решения заявленной задачи нашей статьи может служить проведение содержательной и функциональной дифференциации понятий «право», «закон», «законность», «принцип законности», «правомерность» и «законосообразность».

Наиболее общими, смыслообразующими категориями в данном понятийном ряду, несомненно, выступают категории «право» и «закон», многообразные формы взаимосвязи между которыми определяют специфику конкретных коннотаций остальных понятий.

Категория «право» фиксирует систему общественно значимых норм и ценностей, регулирующих смысл и формы репрезентации социальных отношений, действующих в обществе. В современной юридической науке не существует общепринятого определения права. Спор относительно возможных теоретических подходов к его пониманию в наибольшей степени актуализировался в полемике между позитивистским, естественно-правовым и либертарно-юридическим правопониманием [11, с. 89]. Не углубляясь в детали данной дискуссии, отметим её ведущую, смыслообразующую проблему – вопрос о совпадении или дифференциации права и закона.

Позитивистское правопонимание исходит из совпадения понятий «право» и «закон», что находит свою конкретизацию в определе-

ниях права, приведённых в работах Дж. Остина, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Ф. Шершеневича, В. И. Ленина и других исследователей [15, р. 89, 98; 7, с. 322; 14, с. 281, 314; 6, с. 99].

В противоположность этому естественно-правовое правопонимание разделяет понятия «право» и «закон», рассматривая право как более широкую по своему содержанию категорию по сравнению с категорией «закон». Право трактуется как система прав субъектов социальных отношений, которые могут определяться волей законодателя (государством) или являться атрибутом, изначально присущим любому представителю человеческого рода [13]. Развитие и конкретизацию данной интерпретации права можно найти и в теориях представителей либертарно-юридического правопонимания, для которых характерна трактовка права как нормативного выражения принципа формального равенства, справедливости и свободы¹ [8, с. 3–15].

Смысл категории «право» многозначен, и её отождествление с категорией «юридический закон» представляется неоправданным упрощением, искажающим саму сущность данного

¹Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для вузов. – Москва: Норма-Инфра-М, 2002. – С. 33–34.

феномена [2, с. 5]. Право – это не только утверждённая государством система норм должностования, но и система прав индивидов, продуцируемых социокультурными и нравственными нормами общественной жизни.

Особенностями генезиса, развития и функционирования таких прав индивидов являются:

1) источник детерминации, заложенный в самих субстанциальных основах социального бытия, существующий объективно, вне зависимости от изменений воли законодателей. Подобные социальные основы могут осознаваться и учитываться в нормах законодательства, получать в нём эксплицитно выраженное отражение, что в этом случае усилит стабильность и действенность подобных юридических норм;

2) стабильность представленности в сознании социума. В исторических изменениях общества значение и конкретные представления о содержании прав человека могут меняться, иногда даже радикально, но, несмотря на это, их существование и действенность будет сохранять определённую преемственность, поскольку их утрата повлечёт за собой необратимые социально деструктивные последствия. Примером этого может служить широко насаждаемая в западных странах гипертрофированно-извращённая трактовка прав человека, распространяющаяся на свободу выбора пола (любого из трёхсот возможных вариантов), сексуальных партнёров (вплоть до легализации зоофилии), разрушения ценности семьи. Подобные «права», даже обретя свою легализацию в юридических законах, несут в себе огромный социально деструктивный потенциал, способный привести к распаду человеческого общества, возможность бытия которого обусловлена элиминированием из социальных норм подобных правовых феноменов и сохранения стабильности и преемственности основ общественного существования.

Категория «закон» находит свою конкретизацию в категории «законность», являющейся одной из фундаментальных основ юридической науки. Она представляет собой предельно общее, основополагающее понятие, фиксирующее один из важнейших принципов организации и изменения жизни общества, предполагающее неукоснительное соблюдение правовых норм всеми субъектами правовых отношений социума, включая и само государство.

Законность как базовый принцип правового государства закреплён в ст. 15 Конституции РФ, которая так говорит о законности: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения должны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Данный принцип адресован всем участникам правовых отношений.

В отличие от «законности», понятие «законсообразность» не является чисто юридическим и широко используется в методологии различных предметных областей познания: в естествознании, социальной философии, социогуманитарных науках и т. д. Основной смысл

данного понятия состоит в соответствии исследуемого феномена определённому закону или законам, причём вовсе не обязательно юридическим. В сфере методологии юриспруденции понятие «законсообразность» используется в значениях, близких понятиям «законность» и «правомерность», но дополнительной смысловой нагрузки не несёт.

Понятие законности как правовой категории является более широким, чем принцип законности, поскольку принцип как основополагающая идея является составной частью категории «законность». Как правовая категория «законность» характеризует такое состояние жизни общества, при котором существует качественное непротиворечивое законодательство, а принятые в установленном порядке нормы права уважаются, соблюдаются и исполняются органами власти, должностными лицами, организациями и гражданами.

В управленческих отношениях субъекты исполнительной власти выступают в роли управляющих, т. е. имеющих право в той или иной степени диктовать свою волю, что придаёт особую значимость соблюдения ими принципа законности. «Обеспечение правомерности распорядительных действий таких субъектов является необходимым условием недопущения административного произвола и иных бюрократических извращений»². В данном случае речь идёт не только о законности, но и о правомерности распорядительных действий властных субъектов.

Особую значимость термин «правомерность» приобретает при характеристике и оценке действий уполномоченных должных лиц по применению мер государственного принуждения.

Принуждение как метод воздействия состоит в «применении государственными органами и их должностными лицами установленных законом мер принуждения для преодоления правовой аномалии и позволяет посредством правовых ограничений, лишений, обременений или ответных действий заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законом запреты, а также обеспечить правопорядок, безопасность личности, общества и государства от потенциальных и реальных угроз» [4, с. 17].

В свою очередь «меры принуждения – это закреплённые законом способы, приёмы и средства воздействия личного, имущественного и организационного характера, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты, и состоящие из правовых ограничений, лишений, обременений, ответных силовых физических действий, влекущих наступление правового урона, причинение морального, материального и (или) физического вреда» [4, с. 14].

² Козлов Ю. М. Административное право. – Москва: Юрист, 2005. – С. 533–534.

Соотношение категорий законности и правомерности можно рассмотреть на основе применения мер государственного принуждения. Сделаем это на примере применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Неправомерное применение мер государственного принуждения нередко происходит потому, что отдельные нормы, предусматривающие основания и порядок их применения, не вполне понятны правоприменителю либо трудноисполнимы в экстремальной ситуации при дефиците времени для принятия решения, являются оценочными и могут быть по-разному истолкованы правоприменителем. В связи с этим вопросы оценки законности и правомерности применения мер государственного принуждения приобретают особую актуальность и значимость.

Под законностью применения меры принуждения понимается соответствие фактических действий уполномоченных должностных лиц нормам права, устанавливающим основания, цели, порядок и условия реализации способа принудительного воздействия, который характеризует содержание конкретной меры принуждения, а также соблюдение сроков применения и требований к документированию. В свою очередь, «способ принудительного воздействия» представляет собой предусмотренное законом «правоохранительное действие в виде силового и иного воздействия морального, материального, или организационного характера, влекущее ограничение прав лица, претерпевание им лишений, дополнительных обременений, причинение материального и физического вреда»³.

Способом принудительного воздействия при применении огнестрельного оружия является «производство выстрела из огнестрельного оружия» в человека либо в животное, по транспортному средству, запорному устройству либо в воздух, в результате которого повреждаются ткани человеческого тела, животного (т. е. причиняется ранение), либо повреждается транспортное средство и иные материальные объекты.

При производстве прицельного выстрела в человека в случаях, перечисленных в части 1 статьи 23 ФЗ «О полиции», «защита (пресечение) осуществляется в форме контрнападения в целях выведения самого нападающего (задерживаемого) лица из строя, т. е. приведения его путём причинения огнестрельного ранения в беспомощное состояние или даже лишения его жизни для того, чтобы тем самым сделать физически невозможным дальнейшее продолжение им противоправных действий». При производстве выстрела по иным объектам в случаях, перечисленных в части 3 статьи 23 ФЗ «О полиции», «нейтрализация опасности, возникшей для охраняемых законом общественных отношений, предполагается без нанесения телесных повреждений человеку» [5, с. 8].

³ Мамедов Э. Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 11.

Закреплённая Федеральным законом «О полиции» модель законного применения огнестрельного оружия предусматривает: «Сотрудник полиции имеет право на применение ... огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами» (часть 1 статьи 18 ФЗ «О полиции»). Данная норма закрепляет право на «выстрел» в предусмотренных законом случаях, в результате которого может быть причинён физический вред человеку в виде нанесения ему огнестрельного ранения или материальный вред в виде повреждения имущества.

Законность применения огнестрельного оружия определяется прежде всего наличием основания для реализации способа принудительного воздействия, характеризующего содержание данной меры принуждения.

Е. В. Елфимова и А. В. Коркин предлагают следующий перечень критериев «соответствия применения мер ... принуждения требованиям законности» на примере мер административного принуждения. К числу таких критериев они относят следующие:

- основания применения меры принуждения;
- условия применения;
- цель;
- субъекты, т. е. кто из должностных лиц полиции и в отношении каких граждан уполномочен применять конкретную меру принуждения, а иногда и в чьём присутствии;
- порядок применения, в том числе необходимость разъяснения перед началом применения меры принуждения участникам прав и обязанностей, обусловленных содержанием конкретной меры, а также необходимость действовать ещё и в соответствии с требованиями Закона о полиции (п. 2 ч. 4 ст. 5), где закреплена обязанность сотрудника полиции разъяснить гражданину причину и основания применения мер, ограничивающих его права и свободы, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина, и не забыв, что в порядке применения многих мер принуждения можно выделить этапы действий «до», «во время» и «после»;
- сроки применения;
- формальные и содержательные требования к документу, которым оформляется факт применения меры; и наконец,
- уяснение содержания применяемой меры принуждения, которое не всегда содержится в законодательстве о применении мер принуждения сотрудниками полиции [3, с. 23].

Соблюдение перечисленных установленных законом элементов реализации способа принудительного воздействия, характеризующего содержание меры принуждения, является обязательным и охватывается понятием законности как правовой категории.

В статье 19 ФЗ «О полиции», которая называется «Порядок применения ...» (в том

числе «огнестрельного оружия»), сказано: «Сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учётом:

- создавшейся обстановки,
- характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие,
- характера и силы оказываемого ими сопротивления».

Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия должно быть не только законным (обоснованным), но и соразмерным, т. е. соответствующим создавшейся обстановке на месте инцидента, характеру и степени опасности действий нарушителя, характеру и силе оказываемого им противодействия сотруднику полиции.

Данная норма устанавливает критерии соразмерности ответных действий сотрудника, которые одновременно определяют рамки ситуационного усмотрения сотрудника полиции, т. е. являются пределами правоприменительного усмотрения⁴ [10, с. 7–13].

Оценку применения мер административного принуждения, в результате которого причиняется ответный вынужденный вред нарушителю, более точно характеризует термин «правомерность», который в качестве ещё одного важного критерия оценки действий правоприменителя включает «целесообразность» [12, с. 46]. Целесообразность правоприменения, как справедливо отметила Л. Н. Тарасова, – это «выбор оптимального пути осуществления правовой нормы в конкретной жизненной ситуации» [12, с. 47]. В нашем случае целесообразность проявляет себя в виде соразмерности ответных вынужденных действий сотрудника полиции опасности действий нарушителя и существующей угрозе.

Поэтому правомерность применения сотрудником полиции огнестрельного оружия и критерии соразмерности вреда, причиняемого при ответном вынужденном его применении, т. е. граница между преступным и неправомерным причинением вреда определяется как административным, так и уголовным законодательством, прежде всего положениями, устанавливающими пределы необходимой обороны либо мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Причинение вреда в указанных состояниях признается правомерным, соответственно «если не было допущено умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посяательства» при необходимой обороне, либо «если иными средствами задержать ... лицо не представлялось возможным, и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер» при задержании лица, совершившего преступление.

⁴ Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 25 с.

Проведённый нами анализ норм действующего законодательства, регулирующего применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, позволяет сделать следующие обобщающие выводы, имеющие непосредственное отношение к решению проблемы теоретической дифференциации категорий «законность» и «правомерность»:

1. Актуальность определения не только законности, но и правомерности, в отношении применения огнестрельного оружия обусловлена тем, что в «Обзоре практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач» отмечается, что в 2021 году имело место 1243 случая применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия⁵, которые составили 0,7 % от общего числа случаев применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Из них 140 случаев применения огнестрельного оружия признаны неправомерными, что составляет 78,6 % от общего количества случаев неправомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Не может не настораживать тот факт, что применение огнестрельного оружия, являясь минимальным от общего числа случаев (0,7 %) имеет самый высокий процент неправомерного применения от общего числа случаев неправомерного применения (78,6 %).

2. При оценке правомерности причинённого вредом применением оружия сотрудником полиции вреда необходимо исходить прежде всего из положений уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, устанавливающих пределы соразмерности вреда, причиняемого ответными правоохранительными действиями.

3. В случаях обоснованного (то есть законного) применения огнестрельного оружия сотрудник полиции вправе рассчитывать на понимание и защиту со стороны государства в лице контролирурующих, надзорных, следственных и судебных инстанций. В таких случаях ответственность за последствия, наступившие от выстрела из огнестрельного оружия, должны ложиться на лицо, создавшее своими противоправными действиями общественно опасную ситуацию, а не на сотрудника, который вынужден был её устранять.

4. В нормах действующего законодательства понятия «законность» и «правомерность» часто используются как синонимы, то есть не в строго категориальном их значении. Такое положение обусловлено следующими обстоятельствами:

1) важной методологической основой построения любой системы законодательства вы-

⁵ Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. – Москва: ДГСК МВД России, 2022. – С. 7.

ступает абстракция конструктивизации, состоящая в определённом «упрощении» социальных реалий, что позволяет регулировать многообразные проявления социальных феноменов, подлежащих регламентации;

2) формулировка содержания норм действующего законодательства может не совпадать и часто не совпадает со стилем изложения научных работ, посвящённых изучению права: атрибутом научных работ является строгая понятийно-категориальная репрезентация смысла текста, нормы законодательства ориентируются не только на профессиональных юристов, но и на обычных людей, которые должны понимать смысл этих норм и следовать их требованиям на практике;

3) на современном этапе исторического развития социума доминирующей методологической парадигмой, определяющей специфику законотворческой деятельности, является позитивистское правопонимание.

5. В диспозициях правовых норм, регулирующих применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, фиксируется необходимость учёта обстоятельств, прямо не прописанных законодателем, но очевидных с позиции жизненного опыта правоприменителя. Подобный правовой феномен свидетельствует о целесообразности дифференциации понятий «законность» и «правомерность» и о необходимости более широкой по сравнению с чисто позитивистской интерпретацией трактовки понятия «правомерность».

Методологически значимым для различения понятий «законность» и «правомерность» представляется предложенная в научной литературе их дифференциация по принадлежности к разным формам репрезентации права: законность выступает мерой объективного (или позитивного) права, а правомерность – главным образом мерой субъективного права [9, с. 147].

Различие между объективным и субъективным правом достаточно чётко проводит профессор С. С. Алексеев, который в своей монографии «Теория права» пишет: «Объективное и субъективное право – явления разнопорядковые, занимающие в мире правовых явлений свои особые места. Здесь важно не потерять из виду специфику объективного права как нормативного институционального образования. Субъективные же юридические права – не основание юридического регулирования, а результат его претворения в жизнь, последствие конкретизированного воплощения нормативных положений в виде точно определённой юридической свободы, её меры для данного лица» [1, с. 201].

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория права : монография. – Москва: БЕК, 1995. – 311 с.
2. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // Философия права. – 2011. – № 5 (48). – С. 12–15.
3. Елфимова Е. В., Коркин А. В. Особенности обеспечения законности при применении сотрудниками полиции мер административного принуждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 17–25.
4. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10–17.

Соотношение и различие объективного и субъективного права проводится по следующим основаниям: 1) широте своего действия – объективное право охватывает всех субъектов правовых отношений, субъективное получает конкретизированную форму выражения применительно к субъекту правовых отношений; 2) форме репрезентации – объективное право представлено в нормах действующего законодательства, субъективное право имеет личный характер и принадлежит правообладателю; 3) субъективное право является производным от объективного права.

Обобщим материал проведённого в данной статье теоретического анализа соотношения категорий «законность» и «правомерность» и обозначим специфику их методологической дифференциации.

1. Определение соотношения понятий «законность» и «правомерность» целесообразно проводить на методологической основе изложенной выше дифференциации понятий «право» и «закон», позволяющей рассматривать правомерность как более широкое по своему объёму понятие. Обоснованием такого вывода является то, что понятие «правомерность» означает соответствие определённых социальных феноменов праву, под которым могут пониматься не только нормы законодательства, но и система естественных прав социальных субъектов, детерминированная социокультурными и нравственными нормами жизни социума.

2. Категория «законность» фиксирует нормы правовых отношений, закреплённые в действующем законодательстве и обязательные для исполнения всеми субъектами социальных отношений общества, включая и само государство; категория «правомерность» шире по своему содержанию, поскольку охватывает не только соответствие действий социальных субъектов нормам права (что совпадает в парадигме юридического позитивизма с понятием «законность»), но и выступает репрезентацией реализации конкретных субъективных прав.

3. За нарушение законности в большинстве случаев предусматриваются серьёзные санкции, вплоть до уголовной ответственности за совершение соответствующих деяний; неправомочность определённых действий, нарушающих права субъектов правоотношений, во многих случаях влечёт за собой менее строгие санкции (часто связанные с восстановлением причинённого ущерба).

5. *Каплунов А. И.* Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика : монография. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. – 259 с.
6. *Ленин В. И.* Государство и революция // Полное собрание соч. / 5 изд. – Т. 33. – Москва: Политиздат, 1967. – С. 10–120.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология / Сочинения; 2 изд. – Т. 3. – Москва: Политиздат, 1955. – С. 7–544.
8. *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.
9. *Олейников В. С., Дзегутанов Б. К., Балахонский В. В.* Философия права и правосознания. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2009. – 231 с.
10. *Оносов Ю. В.* О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 1. С. 7–13.
11. *Балахонский В. В., Кудин В. А., Олейников В. С., Дзегутанов Б. К.* Правосознание и его роль в жизни общества : монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. – 173 с.
12. *Тарасова Л. Н.* Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2012. – № 4. – С. 42–53.
13. *Четвернин В. А.* Современные концепции естественного права : монография. – Москва: Наука, 1988. – 144 с.
14. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. – Т. 1. – Вып. 1–4. – Москва: Братья Башмаковы, 1910. – 839 с.
15. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. – London: John Murray Albemarle street, 1911. – 443 s.

References

1. *Alekseyev S. S.* Teoriya prava : monografiya. – Moskva: BEK, 1995. – 311 s.
2. *Balakhonskiy V. V.* Filosofskiy problemuy metodologii prava // Filosofiya prava. – 2011. – № 5 (48). – S. 12–15.
3. *Yelfimova Ye. V., Korkin A. V.* Osobennosti obespecheniya zakonnosti pri primenenii sotrudnikami politsii mer administrativnogo prinuzhdeniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4 (26). – S. 17–25.
4. *Kaplunov A. I.* Ob osnovnykh chertakh i ponyatii gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – № 12. – S. 10–17.
5. *Kaplunov A. I.* Primeneniye sotrudnikami politsii ognestrel'nogo oruzhiya: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2018. – 259 s.
6. *Lenin V. I.* Gosudarstvo i revolyutsiya // Polnoye sobraniye soch. / 5 izd. – Т. 33. – Москва: Politizdat, 1967. – С. 10–120.
7. *Marks K., Engel's F.* Nemetskaya ideologiya / Sochineniya; 2 izd. – Т. 3. – Москва: Politizdat, 1955. – С. 7–544.
8. *Nersesyants B. C.* Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kontseptsiya // Voprosy filosofii. – 2002. – № 3. – С. 3–15.
9. *Oleynikov V. S., Dzhegutanov B. K., Balakhonskiy V. V.* Filosofiya prava i pravosoznaniya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya, 2009. – 231 s. – ISBN 978-5-903452-10-1.
10. *Onosov Yu. V.* O teoreticheskoy modeli predelov pravoprimeritel'nogo usmotreniya // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 7–13.
11. *Balakhonskiy V. V., Kudin V. A., Oleynikov V. S., Dzhegutanov B. K.* Pravosoznaniye i yego rol' v zhizni obshchestva : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2018. – 173 s.
12. *Tarasova L. N.* Pravomernost' kak pravovoy printsip, metod pravovogo regulirovaniya i pravovoy rezhim // Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta. – 2012. – № 4. – С. 42–53.
13. *Chetvernin V. A.* Sovremennyye kontseptsii yestestvennogo prava : monografiya. – Moskva: Nauka, 1988. – 144 s.
14. *Shershenevich G. F.* Obshchaya teoriya prava: Chast' teoreticheskaya. Filosofiya prava. – Т. 1. – Вып. 1–4. – Москва: Brat'ya Bashmakovy, 1910. – 839 s.
15. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. – London: John Murray Albemarle street, 1911. – 443 s.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 06.06.2023.

The article was submitted March 16, 2023; approved after reviewing April 10, 2023; accepted for publication June 6, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.